

М. К. Любавскій.

С. М. Соловьевъ и В. О. Ключевскій.

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Истории и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ университетѣ.

МОСКВА.
1913.

М. К. Любавскій.

С. М. Соловьевъ и В. О. Ключевскій.

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Истории и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ университетѣ.

МОСКВА.

1913.

ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИСНЕРА И Д. СОВКО.
Моск.: Еоздѣиженка, Крестовозле пер.,

С. М. Соловьевъ и В. О. Ключевскій.

Когда сосредоточиваешься мыслью на незабвенномъ В. О. Ключевскомъ и начинаешь разсматривать сдѣланное имъ великое дѣло жизни, неизмѣнно позади его дивнаго образа вырастаетъ величавая фигура его наставника С. М. Соловьева. Соловьевъ и Ключевскій занимаютъ воображеніе, какъ два неразрывно связанныхъ дѣятеля, учитель и ученикъ, начинатель и продолжатель, сливающиміся въ единый образъ мощнаго духовнаго генія, лучезарно освѣтившаго прошлое Россіи. Великъ и оригиналенъ былъ талантъ данный Богомъ Василію Осиповичу Ключевскому; но свое примѣненіе и направленіе этотъ талантъ получилъ благодаря Сергѣю Михайловичу Соловьеву. Велики заслуги Василія Осиповича въ дѣлѣ разработки науки русской исторіи и въ постановкѣ ея преподаванія. Но почва для него была расчищена здѣсь и подготовлена главнымъ образомъ Соловьевымъ. Памятуя, что Василій Осиповичъ, когда трактовалъ великихъ людей и ихъ дѣянія, всегда старался ввести ихъ въ историческую перспективу, всегда разсматривалъ великія культурныя дѣянія, какъ плоды коллективнаго творчества поколѣній, находя что Василій Осиповичъ завѣщалъ намъ не только преклоняться передъ геніями и талантами, но и исторически объяснять ихъ, я и беру на себя смѣлость подѣлиться здѣсь своими бѣглыми наблюденіями надъ тѣмъ, что далъ Соловьевъ Ключевскому, въ чемъ сказалось духовное вліяніе учителя на ученика.

Въ дѣлѣ научнаго образованія огромное значеніе имѣетъ первое руководство, которое дается при самомъ приступѣ къ научнымъ занятіямъ. Ключевскій-студентъ въ этомъ отношеніи поставленъ былъ въ счастливыя условія, и это благодаря главнымъ образомъ Соловьеву. Припомнимъ, въ какомъ положеніи находилось преподаваніе русской исторіи въ Московскомъ университетѣ до Соловьева. Ближайшимъ предшественникомъ Соловьева былъ М. П. Погодинъ, энтузіастъ такъ называемаго математическаго метода въ исторіи. Погодинъ тщательно набѣгалъ общихъ концепцій историческаго процесса, излагалъ одни только частныя наблюденія надъ точно установленными фактами, не заботясь о томъ, чтобы связать ихъ въ какую-нибудь систему, для которой, по его мнѣнію, не наступило еще время. Онъ читалъ съ кафедры одни только частныя изслѣдованія, преимущественно по древней русской исторіи Кіевского періода, изслѣдованія, въ свое время, конечно, имѣвшія научную цѣну, но въ аудиторіи только подавлявшія вниманіе обиліемъ событій, именъ и годовъ. Отъ покойнаго инспектора Московскаго учебнаго округа Якова

Игнатъевича Вейнберга мнѣ пришлось слышать, какъ Погодинъ боролся съ гнѣтущимъ впечатлѣніемъ отъ своихъ лекцій. Взойдя на кафедру и объявивъ студентамъ, что всѣхъ удѣльныхъ князей было 500, замѣтивъ при этомъ нѣкоторый ужасъ на ихъ глазахъ, Погодинъ приглашалъ ихъ не пугаться этого числа, ибо на Всеволодѣ III это число какъ разъ разбивается пополамъ, такъ что запомнить всѣхъ ихъ будетъ уже не такъ трудно. Едва ли большее научное возбужденіе давали въ свое время изслѣдованія и лекціи предшественника Погодина — Михаила Трофимовича Каченовскаго, главнаго представителя такъ называемой «скептической» школы въ русской историографіи, съ его грубымъ и наивнымъ критицизмомъ. Популярность этихъ изслѣдованій и лекцій основывалась, конечно, не на ихъ научной цѣнности, а на ихъ направленіи, шедшемъ въ разрѣзъ съ укоренившеюся идеализаціей и славословіемъ древнерусской старины. Не будемъ заглядывать въ болѣе раннія времена, во времена Чеботарева, преподававшего и русскую словесность соединенно съ латинскимъ языкомъ, и логику съ нравоученіемъ, и географію, и русскую исторію. То былъ еще періодъ младенчества въ постановкѣ университетскаго преподаванія вообще, мало разнившася отъ гимназическаго. На надлежащую высоту преподаваніе русской исторіи въ Московскомъ университетѣ впервые поставлено было только С. М. Соловьевымъ, и В. О. Ключевскому выпало на долю счастье въ полную мѣру воспользоваться этимъ преподаваніемъ.

Вотъ какъ самъ онъ говорилъ о томъ дѣйствиіи, какое оказали на него лекціи Соловьева: «Соловьевъ давалъ слушателю удивительно цѣльный, стройною нитью проведенный сквозъ цѣпь обобщенныхъ фактовъ взглядъ на ходъ русской исторіи, а извѣстно, какое наслажденіе для молодого ума, начинающаго научное изученіе, чувствовать себя въ обладаніи цѣльнымъ взглядомъ на научный предметъ... Обобщая факты, Соловьевъ вводилъ въ ихъ изложеніе, осторожной мозаикой общія историческія идеи, ихъ объяснявшія... Благодаря этому курсъ Соловьева, излагая факты мѣстной исторіи оказывалъ на насъ сильное методологическое вліяніе, будилъ и складывалъ историческое мышленіе: мы сознавали, что не только узнаемъ новое, но и понимаемъ узнаваемое, и вмѣстѣ учились, какъ надо понимать, что узнаемъ. Ученическая мысль наша не только пробуждалась, но и формировалась, не чувствуя на себѣ гнета учительскаго авторитета: думалось, какъ-будто мы сами додумались до всего того, что намъ осторожно подсказывалось¹⁾».

Съ самаго начала своей преподавательской дѣятельности С. М. Соловьевъ читалъ два курса русской исторіи — общій и спеціальный, при чемъ первый былъ какъ бы введеніемъ ко второму. По словамъ Василія Осиповича, «начавъ спеціальное изложеніе съ эпохи, на которой пре-

---

¹⁾ С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель. Изданія Историческаго общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, годъ 1-й, стран. 191, 192, Москва, 1896 г.

рвалась «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, Соловьевъ съ каждымъ годомъ понемногу подвигался все дальше впередъ; но студентъ специально знакомился съ доставшеюся ему эпохой уже подготовленный къ тому общимъ курсомъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ. Содержаніемъ этого курса была именно смѣна политическихъ формъ съ объясненіемъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ одна изъ нихъ зарождалась, падала и переходила въ другую, и съ указаніемъ перемѣнъ, какія при господствѣ той или другой изъ нихъ происходили въ составѣ общества и во взаимныхъ отношеніяхъ его частей. Съ теченіемъ времени фактическія подробности въ этомъ курсѣ сглаживались все болѣе, такъ что онъ превратился наконецъ въ непрерывную цѣпь обобщеній, въ историко-философскую формулу политическаго и соціальнаго развитія Россіи¹⁾). Такую постановку преподаванія нельзя не признать въ высшей степени удачною. Изъ такого преподаванія студентъ выносилъ и цѣльный, стройный взглядъ на ходъ русской исторіи, и специальное знакомство съ эпохой изъ первыхъ рукъ, и знакомство съ методами научнаго изслѣдованія, и, что особенно важно, уваженіе къ кропотливому научному труду и къ званію профессора, которое, въ свою очередь, обуславливало собственную охоту къ научнымъ занятіямъ. Василий Осиповичъ въ данномъ случаѣ былъ тѣмъ счастливѣе, что ему пришлось учиться у Соловьева въ то самое время, когда тотъ уже вполне созрѣлъ и какъ ученый, и какъ профессоръ. Въ 1863 году, когда Ключевскій началъ слушать Соловьева, послѣдній уже закончилъ свои научные труды по древней русской исторіи и подвелъ итоги въ своемъ знаменитомъ XIII томѣ. Первоначальная концепція древней русской исторіи, содержащаяся въ его диссертациі «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» и въ его общихъ курсахъ, къ тому времени была продумана окончательно, исправлена и дополнена на основаніи колоссальнаго изученія источниковъ по древней русской исторіи. И Ключевскій теперь сразу попалъ подъ обаяніе этой концепціи и ея автора. «Слушая Соловьева, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей о немъ, — мы смутно чувствовали, что съ нами бесѣдуетъ человѣкъ, много и очень много знающій и подумавшій обо всемъ, о чемъ слѣдуетъ знать и подумывать человѣку, и всѣ свои передуманныя знанія сложившій въ стройный порядокъ, въ цѣльное міросозерцаніе, чувствовали, что до насъ доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы, какая когда-то была исполнена надъ самимъ собою этимъ человѣкомъ и которую должно рано или поздно исполнить надъ собою каждому изъ насъ, если онъ хочетъ стать настоящимъ человѣкомъ. Этимъ особенно и усиливалось впечатлѣніе лекцій Соловьева: его слова представлялись намъ яркими строками на освещенномъ изнутри фонарѣ». «Съ кафедры слышался не профессоръ, читающій въ аудиторіи, а ученый, размышляющій вслухъ

¹⁾ Некрологъ С. М. Соловьева, составленный В. О. Ключевскимъ, стран. 10. Отчетъ Московскаго университета за 1879 годъ.

въ своемъ кабинетѣ». «Но Соловьевъ такъ рассуждалъ со студентами о быломъ, что они живо представляли себѣ, какъ это происходило»¹⁾. Василій Осиповичъ высоко цѣнилъ «Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ». По его словамъ, это — «одна изъ страницъ исторіи русскаго просвѣщенія, и такихъ страницъ, на которыхъ съ отрадою будетъ всегда останавливаться и раздумываться мыслящій русскій человѣкъ»²⁾.

Изъ этихъ отзывовъ Василія Осиповича ясно видно, какъ много онъ получилъ отъ Соловьева къ началу своихъ самостоятельныхъ занятій русскою исторіей. Соловьевъ далъ ему цѣльный и стройный взглядъ на ходъ русской исторіи, несомнѣнно облегчившій ему выработку собственного, не менѣе цѣльнаго и стройнаго, взгляда, далъ въ его распоряженіе огромный и хорошо разсортированный подборъ данныхъ источниковъ, облегчившій ему дальнѣйшія разысканія въ источникахъ, возбуждилъ его творческое воображеніе, и наконецъ, — что особенно важно, создалъ извѣстное ученое настроеніе, тотъ нравственный подъемъ, съ которымъ работалъ Василій Осиповичъ въ избранной имъ специальности. Василій Осиповичъ не только косвенно, но и прямо призналъ, какъ много обязанъ онъ и другіе современные ему историки Соловьеву. «Въ движеніи русской исторіографіи, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей о Соловьевѣ, — это время можно смѣло обозначить именемъ Соловьева: живущіе нынѣ писатели, вмѣстѣ съ нимъ наиболѣе поработавшіе надъ исторіей своего отечества, охотно согласятся съ этимъ. Вооружившись приемами и задачами, выработанными историческою наукою первой половины нашего вѣка, онъ первый пересмотрѣлъ всю массу историческаго матеріала, оставшагося отъ жизни русскаго народа съ половины IX до послѣдней четверти XVIII вѣка, связалъ одною мыслью разорванные лоскуты историческихъ памятниковъ и вынесъ на свѣтъ всю наличность уцѣлѣвшихъ фактовъ нашей исторіи. Есть и будутъ десятки трудолюбивыхъ изслѣдователей русскаго прошедшаго, которые останавливаются и будутъ останавливаться на томъ или другомъ фактѣ долѣе Соловьева, изучаютъ и будутъ изучать то или другое явленіе подробнѣе, чѣмъ изучилъ онъ; но каждый изъ нихъ, чтобы итти прямо и твердо въ своей работѣ, долженъ начинать съ того, чѣмъ кончилъ Соловьевъ свою рѣчь о томъ же, и онъ, какъ маякъ, еще долго будетъ служить указателемъ пути даже для тѣхъ, кто далеко разойдется съ нимъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ»³⁾.

Вліяніемъ Соловьева и сдѣланнаго имъ научнаго дѣла опредѣлился какъ преимущественный интересъ, такъ и кругъ самостоятельныхъ разысканій Василія Осиповича. Василій Осиповичъ удѣлялъ свое вниманіе, посвящая свои труды многообразнымъ вопросамъ и всѣмъ эпохамъ русской исторіи. Но преимущественно его изученіе сосредоточивалось

¹⁾ Изданія Историческаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, годъ I, стран. 188, 189, 194.

²⁾ Тамъ же, стран. 190.

³⁾ Научное Слово, 1904 г., кн. VIII, стран. 118.

на тѣхъ вѣкахъ, на тѣхъ вопросахъ, которые уже обняты были «Исторією Россіи съ древнѣйшихъ временъ», и онъ все время какъ бы углублялъ, исправлялъ и дополнялъ труды своего учителя. Обѣ его диссертациі, четыре части курса и большая часть статей посвящены древней до-петровской Руси и эпохѣ Петра Великаго. При этомъ больше всего вниманія и усилій мысли удѣлено Василиемъ Осиповичемъ на болѣе глубокое раскрытіе генезиса и смѣны формъ политическаго и соціального строя Руси до Петра Великаго включительно, т.-е. на болѣе тщательную разработку и выполненіе тѣхъ же самыхъ научныхъ задачъ, которыя ставилъ себѣ и Соловьевъ. Захвативъ массу новаго матеріала и болѣе тщательно продумавъ его данныя, Василій Осиповичъ, какъ извѣстно, во многомъ ушелъ отъ положеній своего наставника, измѣнилъ ихъ и дополнилъ. Прежде всего онъ выработалъ иной взглядъ на общественный бытъ древней Руси въ моментъ утвержденія въ ней варяжскихъ князей. Онъ не счелъ уже возможнымъ довольствоваться теоріей родового быта, которую развивалъ Соловьевъ, призналъ, что общество къ тому времени сорганизовалось уже въ крупныя политическія союзы — городовыя волости. Ту работу жизни, которую Соловьевъ приурочивалъ къ княжескому періоду, Василій Осиповичъ отнесъ на болѣе раннія времена и не призналъ возможнымъ приписывать князьямъ ту организующую роль, которую отвелъ имъ Соловьевъ. Въ данномъ случаѣ Ключевскій сошелся болѣе съ учеными противниками Соловьева, чѣмъ съ своимъ наставникомъ. Весь такъ называемый кievскій періодъ русской исторіи получилъ у Василія Осиповича новое освѣщеніе благодаря тому значенію, которое онъ отвелъ въ жизни Кіевской Руси, въ формировкѣ ея общественнаго и политическаго строя, во всемъ бытовомъ складѣ — внѣшней торговлѣ. Но особенно далеко ушелъ Василій Осиповичъ отъ Соловьева въ разработкѣ удѣльной эпохи. Онъ гораздо рѣзче, чѣмъ Соловьевъ подчеркнул своеобразие этого періода русской исторіи, его полное отличіе отъ предшествующаго Кіевского періода, облекъ въ плоть и кровь тѣ общія схемы, которыя даны были въ изложеніи Соловьева, наложилъ детали и краски на изображеніе. Очевидно, здѣсь сыграли огромную роль работы Василія Осиповича по написанію магистерской диссертациі. Изучая критически житія святыхъ, стараясь оцѣнить ихъ, какъ историческій источникъ, Василій Осиповичъ естественно долженъ былъ прежде всего всесторонне уяснить себѣ то самое время, къ которому относилось большинство этихъ житій. Блуждая воображеніемъ вмѣстѣ съ своими святыми по лѣснымъ дебрямъ и моховымъ болотамъ русскаго сѣвера, Василій Осиповичъ съ его художественною воспріимчивостью попутно бралъ въ свою историческую перспективу всѣ персонажи, которые попадались около монастырей или были въ какихъ-нибудь съ ними отношеніяхъ: и новгородскихъ бояръ съ ихъ страдниками-холопами, и князей-колонизаторовъ и хозяевъ сѣвера, и ихъ бояръ, и крестьянъ. Изъ глухихъ пустынь его воображеніе невольно должно было переноситься и въ тѣ самые центры, куда сходились всѣ нити тогдашней хозяйственной,

политической и нравственной жизни русскаго общества. Такъ, въ результатъ спеціального изученія получилось у Василія Осиповича превосходное общее знакомство съ эпохою, которое и нашло себѣ потомъ художественное выраженіе частью въ «Боярской думѣ», частью въ общемъ курсѣ русской исторіи. Страницы, посвященные въ этихъ трудахъ удѣльной эпохѣ, навсегда останутся одною изъ лучшихъ частей его исторической картины. Болѣе глубокое и широкое изученіе источниковъ дало возможность Василію Осиповичу наложить новыя краски и на московскій періодъ русской исторіи, дополнить изображеніе Соловьева новыми существенными подробностями и, кромѣ того, углубить и измѣнить пониманіе нѣкоторыхъ основныхъ процессовъ этого періода. Въ особенности надо отмѣтить здѣсь выясненіе экономическихъ условій зарожденія и развитія крѣпостного права на Руси. — Для XVIII и XIX вѣка Василій Осиповичъ не только углублялъ, исправлялъ и дополнялъ трудъ своего учителя, но и продолжалъ его. Онъ первый изъ русскихъ историковъ далъ въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ общую, но при этомъ въ высшей степени живую, исполненную красокъ времени, концепцію Екатерининскаго царствованія. Въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ Василій Осиповичъ далъ превосходные абрисы и яркія картинки и изъ исторіи XIX вѣка.

Но какъ ни самостоятеленъ былъ въ своихъ научныхъ разысканіяхъ Василій Осиповичъ, какъ ни оригиналенъ въ своихъ воззрѣніяхъ, все же въ его историческихъ построеніяхъ нельзя не замѣтить и соловьевскаго наслѣдства. Такимъ наслѣдствомъ является прежде всего его теорія очередного порядка княжескаго владѣнія въ Кіевской Руси. Хотя Василій Осиповичъ и отвергъ соловьевскую теорію родового быта, все же онъ не могъ отвергнуть тѣхъ наблюденій, которыя сдѣлалъ Соловьевъ относительно распредѣленія волостей между князьями XI—XII вѣковъ, принялъ установленную Соловьевымъ схему и только позаботился о томъ, чтобы дать ей иное обоснованіе. Соловьевъ въ извѣстной мѣрѣ былъ родоначальникомъ и того объясненія, которое далъ Василій Осиповичъ происхожденію удѣльнаго строя и положенію въ немъ князя. Соловьевъ первый обратилъ вниманіе на условія колонизаціи Суздальской земли, на роль въ ея политической жизни новыхъ городовъ и селеній, возникшихъ при князьяхъ и благодаря имъ. Ключевскій развилъ эту мысль своего учителя, обставилъ ее новыми аргументами и данными источниковъ. Соловьевскимъ наслѣдствомъ является у Василія Осиповича и объясненіе возвышенія Москвы изъ сгущенія въ ея области населенія, эмигрировавшаго съ юга на сѣверъ. Наконецъ, оцѣнка и изложеніе реформы Петра Великаго являются у Василія Осиповича дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ воззрѣній на этотъ предметъ и изображенія его у Соловьева. Можно было бы указать и на другія подробности изъ историческихъ построеній Ключевскаго, свидѣтельствующія о наслѣдованіи послѣ Соловьева, но и сказаннаго, думается мнѣ, совершенно достаточно для доказательства ученой зависимости Василія Осиповича отъ его учителя.

Духовное вліяніе Соловьева отразилось не только на самых исторических построениях Ключевского, но и на его историко-философских и методологических воззрениях. Известно, что Соловьев увлекался идеею органическаго развитія народовъ, естественности, внутренней логики этого развитія. «У Соловьева, — говорилъ Василій Осиповичъ, — аналогія жизни народовъ съ жизнью отдѣльнаго человѣка, отвлеченные аргументы и, наконецъ, его столь извѣстная и любимая фраза е с т е с т в е н н о и н е о б х о д и м о, повторявшаяся при каждомъ случаѣ, какъ припѣвъ, — все вызывало въ сознаніи слушателя эту идею исторической закономерности»¹⁾. Василій Осиповичъ не такъ рѣзко подчеркивалъ эту идею, не такъ часто, быть-можетъ, выражалъ ее, но, несомнѣнно, раздѣлялъ ее и примѣнялъ на дѣлѣ въ своемъ историческомъ изложеніи. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что внутренняя исторія Россіи доминируетъ у Василя Осиповича какъ въ изслѣдованіяхъ, такъ и въ изложеніи. Его интересовали именно тѣ внутренніе, логическіе процессы исторической жизни, которые развивались изъ внутреннихъ свойствъ человѣческаго общежитія подъ воздѣйствіемъ природы и другихъ внѣшнихъ условій. Известно, что Соловьевъ въ данномъ случаѣ находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ воззрѣній, распространенныхъ въ области историческаго мышленія Гегелемъ. Нѣкоторые отзвуки этого отраженнаго гегельянства можно подслушать и у Василя Осиповича. «По условіямъ своего земнаго бытія, — говорилъ онъ на лекціяхъ, — человѣческая природа какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣльныхъ народахъ раскрывается не вся вдругъ, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствамъ мѣста и времени». По условіямъ мѣста и времени, «отдѣльные народы, принимавшіе наиболѣе видное участіе въ историческомъ процессѣ, особенно ярко проявляли ту или другую силу человѣческой природы»²⁾. Но Василій Осиповичъ, какъ и Соловьевъ, далекъ былъ отъ того, чтобы смотрѣть на народъ, какъ на простой механической аппаратъ, воспринимающей и перерабатывающей внѣшнія вліянія. Народы въ данномъ случаѣ не одинаковы, имѣютъ каждый свою личность, свою индивидуальность. «Должно быть, каждому народу отъ природы, — говорилъ онъ, — положено воспринимать изъ окружающаго міра, какъ и изъ переживаемыхъ судебъ, и превращать въ свой характеръ не всякія, а только извѣстныя впечатлѣнія, и отсюда происходитъ разнообразіе національныхъ складовъ и типовъ»³⁾. «Значеніе народа, какъ исторической личности, заключается въ его историческомъ призваніи, а это призваніе народа выражается въ томъ міровомъ положеніи, какое онъ создаетъ себѣ своими усиліями, и въ той идеѣ, каковую онъ стремится осуществить своею дѣя-

¹⁾ Изданія Историческаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, годъ 1, стран. 192.

²⁾ Курсъ русской исторіи, ч. I, стран. 6, Москва, 1904 г.

³⁾ Тамъ же, стран. 386.

тельностью въ этомъ положеніи»¹⁾). Все это были любимыя мысли и его наставника — Сергѣя Михайловича Соловьева. Василій Осиповичъ солидаренъ былъ съ Соловьевымъ и въ общемъ взглядѣ на основные факторы историческаго процесса. «Человѣческая личность, людское общество и природа страны — вотъ тѣ три основныя историческія силы, которыя строятъ людское общежитіе»²⁾). Василій Осиповичъ подобно своему учителю удѣлилъ большое вниманіе вліянію природы на исторію русскаго народа, и высказанныя имъ здѣсь соображенія во многомъ повторяютъ и развиваютъ соображенія Соловьева. Подобно Соловьеву, Ключевскій придавалъ огромное значеніе рѣкамъ русской равнины. «Государственная сила, основавшись въ области истоковъ главныхъ рѣкъ равнины, естественно стремилась расширить сферу своего владычества до ихъ устьевъ, по направленію главныхъ рѣчныхъ бассейновъ, двигая и населеніе, необходимое для ихъ защиты. Такъ центръ государственной территоріи опредѣлился верховьями рѣкъ, окружность — ихъ устьями, дальнѣйшее разселеніе — направленіемъ рѣчныхъ бассейновъ. На этотъ разъ наша исторія пошла въ достаточномъ согласіи съ естественными условіями: рѣки во многомъ начертали ея программу»³⁾). Какъ и Соловьевъ, Ключевскій придавалъ огромное значеніе равнинному характеру нашей страны и ея естественной связи съ равнинами Азіи, откуда прикатывались къ намъ волны кочевниковъ. Что касается значенія личности въ исторіи, то и тутъ можно замѣтить родство взглядовъ Соловьева и Василя Осиповича. Для Соловьева каждая историческая личность была дѣтищемъ своей эпохи, продуктомъ историческаго развитія и сама характеризовала эпоху. Великими по оцѣнкѣ Соловьева были тѣ историческіе дѣятели, которые чутки были къ народнымъ и государственнымъ потребностямъ своего времени, сильнѣе другихъ ихъ ощущали, яснѣе другихъ понимали и энергичнѣе другихъ удовлетворяли. Подобныя же оцѣнки разсѣяны и въ курсѣ Василя Осиповича, напр., относительно Петра Великаго. Реформа Петра I, по словамъ Ключевскаго, «сама собою вышла изъ насущныхъ нуждъ государства и народа, инстинктивно почувствованныхъ властнымъ человѣкомъ, съ чуткимъ умомъ и сильнымъ характеромъ, талантами, дружно совмѣстившимися въ одной изъ тѣхъ исключительно счастливо сложенныхъ натуръ, какія по неизвѣданнымъ еще причинамъ отъ времени появляются въ человѣчествѣ». Хотя эта реформа была дѣломъ произвольнымъ и необходимымъ, но въ способѣ, пріемахъ и размѣрѣ выполненія она была личнымъ дѣломъ великаго Петра. Преобразование, несомнѣнно, подготовлялось предыдущею исторіею, но это преобразование могло пойти и такъ, и этакъ, при мирномъ ходѣ дѣлъ могло разсрочиться на цѣлый рядъ поколѣній. Но если этого не случилось, то это уже благодаря личности Петра Великаго⁴⁾).

¹⁾ Тамъ же, стран. 38.

²⁾ Тамъ же, стран. 11.

³⁾ Тамъ же, стран. 69.

⁴⁾ Курсъ русской исторіи, IV, стран. 275, 291.

Ключевского нерѣдко противоположаютъ Соловьеву, какъ историка-экономиста историкую-юристу. Но это противоположеніе, въ сущности, не совѣмъ правильно характеризуетъ взаимныя между ними отношенія. Разница между Соловьевымъ и Ключевскимъ въ данномъ случаѣ была не столько принципиальная, сколько фактическая или, если такъ можно выразиться, очередная. Соловьевъ сначала разработалъ лицевую сторону русскаго соціально-политическаго процесса, которая естественно прежде всего подпадала подъ наблюденіе, освѣщаемая къ тому же и общео историческою теоріею Соловьева. Ключевскій въ своемъ изученіи и размышленіи сосредоточился преимущественно на той сторонѣ историческаго процесса, которая скрывалась за лицевую стороною, уходила въ самую глубь народной жизни. Такой интересъ Василия Осиповича обусловился не какими-либо теоріями, противными теоріямъ Соловьева, а его творческимъ инстинктомъ, склонностью къ будничной житейской правдѣ, къ живому, конкретному пониманію и воспроизведенію исторической дѣйствительности. Экономистъ Ключевскій не отрицалъ, а только дополнялъ юриста Соловьева. Но какъ Соловьевъ не отвергалъ значенія экономическихъ факторовъ въ историческомъ развитіи русскаго народа, такъ и Василий Осиповичъ чуждъ былъ всякой односторонности въ своемъ экономизмѣ. Всѣмъ памятно его классическое разсужденіе на эту тему, вставленное во введеніе къ «Боярской думѣ». Сказавъ, что обыкновенно въ исторіи политическіе факты вытекаютъ изъ экономическихъ, какъ ихъ послѣдствія, Василий Осиповичъ заявляетъ, однако: «Но бываютъ и обратныя явленія. Напримѣръ, завоеваніе можетъ привести къ такому положенію, когда политическая сила измѣняетъ ходъ экономической жизни и развитія страны¹⁾. И это не пустыя слова. Припомнимъ, какое важное значеніе отвелъ Василий Осиповичъ въ ходѣ экономической жизни древней Руси при бытію и утвержденію кочевниковъ, въ какую тѣсную связь поставилъ возникновеніе фабрично-заводской промышленности отъ внѣшнихъ задачъ, которыя легли на Московское государство въ новый періодъ его исторіи. Василий Осиповичъ, какъ извѣстно, одинъ изъ первыхъ выяснилъ экономическія условія происхожденія и развитія крѣпостного права. Но въ то же самое время никто изъ русскихъ историковъ не раскрылъ въ такой полнотѣ и опредѣленности всѣ тѣ послѣдствія, какія въ свою очередь оказалъ этотъ соціальный фактъ на экономическое развитіе русскаго народа, какъ это сдѣлалъ въ своихъ лекціяхъ Василий Осиповичъ. Ключевскій, какъ и его учитель, чуждъ былъ монистическаго пониманія историческаго процесса, старался подмѣтить и уловить въ немъ дѣйствіе не только внѣшней природы, хозяйственныхъ условій, но и психическихъ причинъ — въ видѣ привычекъ, культурныхъ навыковъ, нравовъ и идей. Онъ любилъ говорить не только о денежномъ, но и нравственномъ капиталѣ русскаго народа въ разныя историческія

---

¹⁾ Боярская дума, стран. 9.

времена, поддерживая традицію своего учителя, дававшего въ своей исторіи періодическія обзорѣнія внутренняго состоянія русскаго общества, но далеко превосходя его полнотою и художественностью изображенія.

Эти изображенія, а также нѣкоторыя личныя характеристики проникнуты у Василя Осиповича сплошь и рядомъ юморомъ, а подчасъ и ѣдкимъ сарказмомъ. Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, но нельзя не признать и въ этой особенности литературной и преподавательской дѣятельности Ключевскогого извѣстнаго духовнаго вліянія Соловьева. По словамъ Василя Осиповича, Соловьевъ былъ не только историкъ-прагматикъ, но и историкъ-моралистъ, произносившій историческій судъ надъ людьми и ихъ дѣянїями. «Я не вижу, — говоритъ онъ, — въ этомъ научнаго грѣха: эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная къ сознанію своею нравственною стороною, та же научная связь причинъ и слѣдствїй, только приложенная къ явленїямъ добра и зла, помышленія и дѣйствїя»¹⁾. Такимъ же прагматикомъ-моралистомъ былъ и В. О. Ключевскій, но только по свойствамъ его таланта эта нравственная оцѣнка людей и ихъ дѣянїй выражалась у него не въ отвлеченныхъ разсужденїяхъ, а въ художественныхъ образахъ и описанїяхъ. Юморъ и сарказмъ Василя Осиповича — художественныя средства того же самаго историческаго суда, который признавалъ дѣломъ своей совѣсти и его великій наставникъ. При этомъ добродушный юморъ Василя Осиповича палъ на долю преимущественно древней до-петровской и петровской Руси, ѣдкій сарказмъ на долю Екатерининской эпохи и XIX вѣка. Древняя Русь была вообще какъ-то милѣе Василю Осиповичу, чѣмъ Русь новая, послѣ-петровская. На этомъ основанїи Василя Осиповича зачисляли даже въ ряды славянофиловъ, упрекали въ идеализаціи русской старины. Объясненїе такому предпочтенію древне-русской старины надо искать, конечно, прежде всего въ личныхъ симпатїяхъ Василя Осиповича, который, какъ художникъ, долженъ былъ цѣнить простоту, прямоту и искренность, болѣзненно воспринимать все крикливое, показное и ходульное, всякое искаженіе дѣйствительности. Но несомнѣнно извѣстный толчокъ его симпатїямъ въ этомъ направленїи данъ былъ и Соловьевымъ, указывавшимъ на величіе древней Руси, заключавшееся въ ея скромности, «въ сознанїи своихъ несовершенствъ, въ сбереженной ею способности не мириться со зломъ, въ искреннемъ и горячемъ исканїи выхода въ положенїе лучшее посредствомъ просвѣщенїя»²⁾.

Подобно своему учителю и въ томъ же духѣ, какъ и Соловьевъ, подводилъ Ключевскій и свои итоги русской исторїи. «Вѣковыми усилїями и жертвами, — говорилъ онъ на своихъ лекціяхъ, — Россія образовала государство, подобнаго которому по составу, размѣрамъ и міровому

---

¹⁾ Изданія Историческаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, годъ I, стран. 192.

²⁾ Тамъ же, стран. 193.

положенію не видимъ со времени паденія Римской имперіи. Но народъ, создавшій это государство, по своимъ духовнымъ и матеріальнымъ средствамъ, еще не стоитъ въ первомъ ряду среди другихъ европейскихъ государствъ. По неблагопріятнымъ историческимъ условіямъ его внутренней ростъ не шель въ уровень съ его международнымъ положеніемъ, даже по временамъ задерживался этимъ положеніемъ. Мы еще не начинали жить въ полную мѣру своихъ народныхъ силъ, чувствуемыхъ, но еще не вполне развернувшихся, не можемъ соперничать съ другими ни въ научной, ни въ общественно-политической, ни во многихъ другихъ областяхъ. Достигнутый уровень народныхъ силъ, накопленный запасъ народныхъ средствъ — это плоды многовѣкового труда нашихъ предковъ, результаты того, что они успѣли сдѣлать. Намъ нужно знать, чего они не успѣли сдѣлать; ихъ недомыслия наши задачи¹⁾. Этотъ итогъ является резюме и историческихъ трудовъ, и разсужденій С. М. Соловьева, разсѣянныхъ въ XIII томѣ «Исторіи Россіи», и въ публичныхъ лекціяхъ, и въ популярныхъ статьяхъ по русской исторіи. Василий Осиповичъ говорилъ тутъ *in verba magistri*. Какъ и Соловьевъ, Василий Осиповичъ не относился съ ученымъ олимпійствомъ, съ холоднымъ безразличіемъ къ такому результату русской исторіи. Русская исторія не была для него только одною изъ мѣстныхъ исторій, поставщицею матеріала для сооруженія научнаго зданія соціологіи. У него для русскихъ людей находились не только юмористическія или сатирическія характеристики, но и теплыя слова сочувствія и подчасъ тихой элегической скорби. «Нашъ народъ, — говорилъ онъ на одной изъ своихъ лекцій, — поставленъ былъ судьбою у восточныхъ воротъ Европы, на стражѣ ломившейся въ нихъ кочевой хищной Азіи. Цѣлые вѣка истощалъ онъ свои силы, сдерживая этотъ напоръ азіатовъ, однихъ отбивалъ, удобряя широкія донскія и волжскія степи своими и ихними костями, другихъ чрезъ дверь христіанской церкви мирно вводилъ въ европейское общество... Такъ мы очутились въ аррьергардѣ Европы, оберегали тылъ европейской цивилизаціи. Но сторожевая служба вездѣ неблагодарна и скоро забывается, особенно, когда она исправна: чѣмъ бдительнѣе охрана, тѣмъ спокойнѣе спится охраняемымъ, и тѣмъ менѣе расположены они цѣнить жертвы своего покоя²⁾. Съ такою же душевною скорбію говорилъ и писалъ объ историческихъ заслугахъ русскаго народа, мало цѣнимыхъ на западѣ, и Сергій Михайловичъ Соловьевъ. Душевнымъ тепломъ, глубокимъ сочувствіемъ къ многострадальному русскому народу проникнуты всѣ творенія Соловьева и Ключевского. Это были историки-патріоты въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова, любившіе свой народъ, свое отечество и въ то же время умѣвшіе говорить о немъ и писать правду.

Не одинакова была манера рѣчи и письма у Соловьева и Ключевского. Соловьевъ всегда парилъ надъ дѣйствительностью, надъ моремъ

¹⁾ Курсъ русской исторіи, I, стран. 39, 40.

²⁾ Курсъ русской исторіи, ч. II, стран. 507, 508.

фактовъ и событій, указывая ихъ отображенія въ мірѣ идей. Тонъ его рѣчи и письма былъ какой-то торжественный. Онъ развертывалъ передъ своими слушателями и читателями русскую исторію въ видѣ своего рода философской мистеріи. Василій Осиповичъ давалъ своимъ слушателямъ и читателямъ художественные образы, не отрывавшіе ихъ отъ дѣйствительности, но также возвышавшіе до идеальныхъ высотъ. Онъ развертывалъ передъ ними не мистерію, а реальную жизненную драму, оставлявшую, однако, его слушателей и читателей съ тѣми же чувствами, которыя выносятся изъ художественной мистеріи. Не одинаковъ былъ складъ ума и таланта у Соловьева и Ключевского. Психическія различія нерѣдко порождаютъ взаимную холодность и отчужденіе людей. Ничего подобнаго не было, насколько мнѣ извѣстно, въ отношеніяхъ между Соловьевымъ и Ключевскимъ. Соловьевъ любовно относился къ своему ученику, къ его кропотливымъ разысканіямъ, къ его мастерскому изображенію прошлаго, видя въ этомъ дальнѣйшее продолженіе и исправленіе своего труда. Самъ возвышенно настроенный, онъ любилъ отдыхать отъ этого напряженія нравственнаго сознанія въ проникнутыхъ юморомъ и сарказмомъ рассказахъ своего ученика. Василій Осиповичъ не оставался въ долгу у своего учителя и до конца дней своихъ не переставалъ поминать его съ великимъ пѣтетомъ и признательностью, не переставалъ цѣнить то огромное дѣло, которое было имъ сдѣлано. Поэтому, думается мнѣ, напрасны и тщетны предпринимаемыя иногда усилія отдѣлать духовно Ключевского отъ Соловьева, перессорить ихъ, такъ сказать, послѣ смерти. Они останутся близкими по духу, по совмѣстной работѣ надъ прошлымъ русскаго народа, по любви къ этому народу.

Да будетъ имъ вѣчная память и благодарность отъ всѣхъ насъ и отъ послѣдующихъ за нами поколѣній!

М. Любавскій.

